

Анн де Танги

Размышления о миграции в постсоветских государствах¹

Введение

На протяжении всего существования СССР мобильность населения имела чрезвычайно важное значение. В качестве миграционного поля советское пространство было отрезано от внешнего мира, но оставалось динамичным. Несмотря на ограничения свободы передвижения (в особенности за счет *прописки*), многие миллионы советских граждан ежегодно переезжали и селились в другом регионе или другой республике, иногда привлекаемые большими зарплатами, иногда по личным мотивам (учеба или служба в армии).

Перелом в этой ситуации пришелся на конец 1980-х гг. В этот момент произошли три главных события, которые подвергли общество целому ряду испытаний: падение железного занавеса, роковой удар по которому был нанесен 9 ноября 1989 г. разрушением Берлинской стены, распад СССР и конец

Анн де Танги (Anne de Tinguy)

Национальный институт
восточных языков
и цивилизаций /
Центр международных
исследований,
Париж, Франция
anne.detinguy@sciences-po.fr

¹ Данная статья является отредактированным вариантом доклада, прочитанного на конференции «Национальная идентичность в Евразии II: миграция и диаспора» (Wolfson College, Oxford, 10–12 июля 2009 г.).

советской системы. Эти события радикальным образом изменили отношения, сложившиеся у миллионов людей с их территориями, что в дальнейшем только усугубилось системными изменениями, происходившими в недавно получивших независимость государствах.

Эти события привели к значительным перемещениям населения. За очень короткое время постсоветское миграционное поле претерпело глубокие изменения. Потоки эмиграции, иммиграции, передвижение внутри страны и транзит становились все более интенсивными. Со временем некоторые из них усиливались, а другие трансформировались. Все они представляли собой реакцию на изменения, которые происходили в новых государствах на протяжении последних двадцати лет; соответственно они оказались важными показателями продолжающихся перемен. Кроме того, они сами являлись факторами изменения, поскольку способствовали социально-политическим, экономическим и идентификационным трансформациям этих стран и переменам в их отношениях с внешним миром.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы понять значение этих явлений, а также динамику перестройки миграционного поля. Сначала мне хотелось бы обобщить основные характеристики этого поля. Затем я обращусь к тому, как миграция выполняет функции барометра состояния общества. Наконец, я попытаюсь исследовать, можно ли рассматривать миграцию как инструмент переопределения отношений с внешним миром. В процессе анализа я буду обращаться к докладам, прочитанным на конференции «Национальная идентичность в Евразии II: миграция и диаспора».

Основные характеристики миграционного поля позднесоветского и постсоветского периодов

Прежде всего, несколько слов о советском периоде. Авторы некоторых докладов, сделанных на конференции по миграции и диаспоре, показали те напряженные отношения, которые существовали между властью и мигрантами после Второй мировой войны, а также в хрущевскую и брежневскую эпохи. Джеф Сахадео и Эрик Скотт продемонстрировали в общем плане, насколько важна была миграция внутри советских границ. Сахадео показал, что Ленинград и Москва привлекали десятки тысяч мигрантов со всего Советского Союза. Скотт подробно исследовал мобильность грузин. Отношение к этим мигрантам очень часто было крайне отрицательным.

В еще большей степени это касалось граждан, которые оказались за пределами советской территории во время Второй

мировой войны, а затем возвратились на родину. В своих докладах Шивон Пилинг и Ник Бэрон анализировали подозрительность, с которой к ним относились власти, а также репрессивные меры, которым они подвергались. Многие граждане, мигрировавшие внутри советского пространства, воспринимались как граждане второго сорта, некоторых из них называли «черными».

В течение советского периода миграция рассматривалась главным образом с утилитарной точки зрения: к мигрантам относились как к ценному источнику рабочей силы. Такова была послевоенная ситуация, когда рабочая сила мигрантов использовалась для восстановления страны. То же имело место в 1970–1980-е гг. Татьяна Воронина показала, насколько полезными (с идеологической и экономической точек зрения) были мигранты, работавшие на строительстве БАМа. В данном случае они представляли собой идеологический ресурс. Об этом также шла речь в докладе Джефа Сахадео: он показал, что некоторые мигранты рассматривались в качестве воплощения провозглашенного в СССР «идеала дружбы народов».

Эта утилитарная функция миграции не исчезла после смерти Сталина, что показывают доклады Татьяны Ворониной и Энн Горсач. Как подчеркивает в своем сообщении Горсач, при Хрущеве советским гражданам впервые разрешили выезжать на Запад, но только потому, что они выполняли важную перформативную функцию. Советские туристы в Западной Европе являлись частью советского арсенала в идеологическом соревновании холодной войны.

Сбой в этой схеме произошел в конце 1980-х гг. Распад СССР, открытие внешних границ, появление новых государств и системные изменения, которые в них происходили, — все это имело масштабные и неожиданные последствия: интенсивность миграции повсеместно уменьшилась, но тогда же возникли новые мощные потоки. По мнению Жанны Зайончковской, в период 1990–2000 гг. перемещения между новыми постсоветскими государствами сократились в четыре раза. Пересечение границ, достигавшее 2 млн чел. ежегодно в начале 1990-х гг., упало до 900 тыс. в 1996 г. и составило всего лишь 480 тыс. в 2000 г. [Зайончковская 2001].

Эти данные, вероятно, показывают лишь одну сторону медали, поскольку сдвиг, вызванный крушением СССР, оказал воздействие на фиксацию статистических данных. Тем не менее население постсоветских государств повсеместно реагировало на происходящие трансформации спадом мобильности. В последние десятилетия массовая миграция в России была менее

значительной, чем в течение 1980-х гг. По мнению Олены Малиновской, с начала 1990-х по 2002 г. массовая миграция на Украине сократилась в восемь раз [Malynovska 2004: 5]. Тем не менее перемещение населения все еще затрагивало миллионы людей и было заметно во всех государствах бывшего СССР.

1. Первый феномен, который мы можем наблюдать, — это рост числа уехавших на Запад. Широкая волна этой миграции началась с падения железного занавеса ([Tinguy 2004]; русский перевод находится в печати; см. также: [Tinguy 2009; 2010]). Эмиграция в развитые страны была одной из главных реакций на кардинальные изменения, последовавшие за падением Советского Союза и открытием границ. Согласно статистике принимающих стран, с 1990 г. около 4 млн чел. покинули страны бывшего СССР (приблизительно 1,3 млн — из России).

Большая часть этих мигрантов обосновалась в Германии, Израиле и США. Эти государства в течение многих десятилетий боролись за признание права советских людей эмигрировать в другие страны и даже выработали политику, связанную с приемом этнических немцев и евреев. Другие мигранты, хотя и в меньшем количестве, уехали в Польшу, Финляндию, Грецию или даже Австралию и Канаду, что также происходило в рамках определенной политики. Этот миграционный импульс был достаточно сильным и оставался таковым на всем протяжении 1990-х гг.

И все же, несмотря на распространенный в Западной Европе страх перед массовым «русским вторжением», который были вызван ухудшением экономической ситуации в бывшем СССР, эта волна так и не стала массовым исходом *per se*. После пика, пришедшегося на начало 1990-х гг., миграция стабилизировалась, а затем существенно сократилась.

Сама по себе эмиграция была только одной из реакций на события этого периода. Отъезд в западные страны уже не имел окончательного характера, как это было в советскую эпоху. Теперь в глобальном пространстве усилились временные, регулярные и сезонные перемещения. Русские заново открыли для себя мобильность: они начали в большом количестве ездить за границу на более короткие или более длительные периоды времени, пользуясь широким репертуаром легальных статусов — чтобы работать, учиться или по личным надобностям. Особенно большое количество граждан (на протяжении 1990-х гг. их количество оценивалось во многие сотни тысяч) под видом туризма обеспечивали свои потребности, используя международную неофициальную торговлю, которая называлась «челночной».

Более того, вновь возникшая миграция и так называемые «возвращенцы», чего раньше нельзя было представить, стали, как подчеркивается в докладе Цыпылмы Дариевой, реальностью. Дариева рассказывает о нынешних «визитах-возвращениях» в страны бывшего Советского Союза — такие как Армения; эти визиты являются полноценной репатриацией, но обладают характером туристических поездок, вызванных семейными причинами, временной миграцией, связанной с бизнесом и работой, с разными формами участия в политической жизни или с перезахоронениями — со всем тем, что используется для восстановления связей диаспоры, развивавшейся на протяжении советской эпохи, с исторической родиной.

2. Миграционные потоки в западные страны действительно нарастали в постсоветский период, между тем миграция в пределах самого постсоветского пространства была намного более масштабной. В этом отношении основной вклад принадлежал России: в 1989 г. она приняла 42 % мигрантов с бывшего советского пространства; в начале 2000-х гг. эта цифра достигла почти трех четвертей от общего количества постсоветских мигрантов (73 %). В конце 1990-х гг. и начале 2000-х гг. Россия оказалась едва ли не единственным государством СНГ (наряду с Белоруссией, хотя последняя в значительно меньшей степени) с положительным чистым потоком миграции: между двумя переписями, происходившими в 1989 и 2002 гг., она приняла более 11 млн чел. (чистая миграция — 5,5 млн чел., если мы принимаем в расчет эмиграцию на Запад, и 6,8 млн чел., если мы учитываем только бывший Советский Союз).

На протяжении советской эпохи миграция между РСФСР и другими советскими республиками была существенной в обоих направлениях (исключая Среднюю Азию). Начиная с 1990 г. количество людей, оседающих в России, возросло, в то время как количество тех, кто уезжал из России в другие недавно образовавшиеся постсоветские государства, существенно сократилось.

Средняя Азия стала главной зоной миграции [Thorez 2007: 59]. Миграционные потоки внутри этой зоны носят различный характер. Прежде всего, крушение СССР привело, как выразился лорд Керзон, к «раз-делению людей»¹. Множество украинцев возвратились на Украину, казахов — в Казахстан, русских — в Россию. Больше половины из обосновавшихся в 1992–1993 гг. на Украине 828 тыс. выходцев из прежнего СССР были этнически украинцами [Malynovska 2004: 6; Jaroszewicz, Szerepka 2007: 88; 96]. По официальным данным, 300 тыс. каза-

¹ См. об этом: [Messina 2005].

хов возвратились в Казахстан между 1992 и 2005 гг. [Алексеевко 2006], тогда как почти 10 тыс. чел. уехали из России в Казахстан между 2001 и 2006 гг. Русские долгое время оставались «кочующим народом *par excellence*» [Carrère d'Encausse 1978: 72, 99]: в течение многих десятилетий, до начала 1970-х гг., они мигрировали в большом количестве, особенно на восток Советского Союза. Однако с начала 1990-х гг. миллионы из них возвратились в Россию. Действительно, русские составляют 81 % чистого потока людей, обосновавшихся в России между 1989 и 1992 гг., и 64 % тех, кто поселился там между 1993 и 2000 гг. [Госкомстат России; Зайончковская, Мкртчян, Тюрюканова 2009].

Возвращение депортированных народов стало другим проявлением этого «разделения людей». Как мы знаем, в течение Второй мировой войны «наказанные» народы (немцы, жившие в автономной республике на Волге, крымские татары, чеченцы и т.д.), депортированные Сталиным в Сибирь и Среднюю Азию, насчитывали в общей сложности 2,7 млн чел., а возможно, и больше. Начиная с горбачевской перестройки те, кому раньше запрещалось возвращаться на свою родину, начали туда переселяться. Так было с крымскими татарами, когда более 250 тыс. чел. вернулись в Крым; то же произошло и с многими тысячами корейцев, которые переселились в дальневосточные регионы России, а также с другими народами. Саяна Намсараева проанализировала в своем докладе случаи с бурятами, которые были вынуждены покинуть свою территорию после Октябрьской революции. С ослаблением пограничного режима между Китаем, Россией и Монголией многие теперь находят своих родственников по другую сторону границы.

Множество отъездов было вызвано конфликтами, вспыхнувшими в Карабахе, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Таджикистане и Узбекистане, а также нестабильностью, которая царил в других регионах, особенно в Средней Азии. Конфликт в Карабахе, по некоторым оценкам, привел к появлению более миллиона беженцев. Десятки тысяч людей ежегодно бежали из Таджикистана (107 тыс. — в 1996 г., 76 тыс. — в 1997 г., последнем году гражданской войны), включая 12 тыс. корейцев [Rollan 2007: 40; Kim]. Россия сыграла здесь существенную роль в качестве главного убежища для многих из этих мигрировавших народов, а также для многих из тех, кто больше не чувствовал себя дома в собственной стране и решил уехать.

С начала 1990-х гг. трудовая миграция стала еще одним явлением значительного масштаба. Целый ряд подобных перемещений носил временный или сезонный характер и был связан с резким падением уровня жизни, спровоцированным круше-

нием советской системы и последующими системными изменениями, которые происходили в новых государствах. И здесь Россия вновь сыграла основную роль, приняв потоки трудовых мигрантов. В годы, последовавшие за крушением СССР, Россия становилась все более бедной, тем не менее она оставалась богаче своих соседей по СНГ; этот разрыв только увеличивался в 2000-е гг.

В новых государствах также усиливались миграционные потоки из стран, не принадлежащих к постсоветской зоне. Некоторые приезжающие искали убежища (например, афганцы в России или на Украине), другие приезжали для занятий бизнесом или в поисках работы, третьи — с целью просто пересечь постсоветское пространство — легально (как правило с туристической визой) или нелегально (чтобы достичь своей настоящей цели, например попасть в другие европейские страны или в США).

Таковой в особенности была китайская миграция, которая началась или скорее возобновилась, как только в конце 1980-х гг. открылась китайско-советская граница. Вдоль этой границы развивалась торговля, часто неофициальная, что происходило также в Москве, Санкт-Петербурге или в других местах. Некоторые мигранты селились, подчас незаконно, в Приморье и других регионах, граничащих с Китаем. Как отмечалось в докладе Владимира Бойко, китайцы также присутствуют в Западной Сибири, но здесь они существуют в качестве меньшинства и не воспринимаются русскими как «желтая угроза». Некоторые китайцы обосновались в других странах этого региона, особенно в Казахстане, что было проанализировано в докладе Елены Садовской. Другую большую группу мигрантов, которые приехали в Россию на работу не из стран бывшего СССР, составляют турки.

Значение феномена

Массовая миграция, о которой я только что говорила, является прекрасным показателем действия тех глубинных сил, которые заявили о себе на российском и постсоветском пространствах. Как очень точно заметил Альберт Хиршман в книге “Exit, Voice and Loyalty”, эмиграция, понимаемая как «первичная форма отступничества», является барометром состояния общества: уехать — значит «проголосовать ногами» [Hirschman 1995a; 1995b: 21]¹. Случай России и других постсоветских государств подтверждает это. Мне хотелось бы обратить в данном случае особое внимание на Россию.

¹ См. также его интервью в: Le Monde. 1995. Sept. 24–25.

Прежде всего, миграция — это проявление большого беспорядка. Крах и распад СССР стали причиной грандиозной травмы, особенно у тех беженцев, которые должны были уехать из-за конфликтов внутри СНГ, в первую очередь у миллионов этнических русских. Исчезновение СССР стало особенно травматичным для многих из тех 25 млн русских, которые жили на протяжении многих поколений в других республиках бывшего СССР. Наталья Космарская показала, насколько трудно было этим людям заново определить свою идентичность. Будучи до того момента представителями доминирующей нации, нации большинства внутри СССР, они за чрезвычайно короткий срок стали чужими в стране, которую считали своей, в стране, где они скоро почувствовали себя всего лишь гражданами второго сорта. Это побудило многих «вернуться» на «родину», хотя нередко они никогда там и не жили. Своего пика эта миграция достигла между 1992 и 1994 гг. 1,1 млн чел., большинство из которых были этническими русскими, переселились в Россию в 1994 г., что составило 915 тыс. чистого потока миграции. Такая «репатриация» оставалась высокой и в последующие годы (500 тыс. в 1998 г., 370 тыс. в 1999 г.), и с тех пор она постоянно уменьшалась.

Иногда эмиграция действительно означает отступничество. Когда рухнула советская система и многие новые государства подверглись системным политическим изменениям — процесс, который привел к радикальному падению валового национального продукта (ВВП) этих стран — множество людей покинули свою родину. Рост количества выехавших в западные страны демонстрирует недоверие к политическому выбору, сделанному в России и в других странах СНГ, а также глубокий пессимизм относительно будущего своей страны. Для тех, кто делает этот выбор, отъезд — результат негативной оценки вероятности того, что улучшение их собственной ситуации и положения их собственной страны возможно, и следствие тех опасений, которые связаны с будущим детей.

Другие перемещения были знаком и следствием беспорядка, царившего на постсоветском пространстве. В начале 1990-х гг. в постсоветских государствах стали заметными явления, о которых фактически не могло быть речи в советские времена, а именно — подпольная и транзитная миграция, связанная с проницаемостью некоторых границ в регионе. В своем докладе, основанном на украинском материале, Фрэнк Дювелл проливает свет на то, что постсоветская зона для многих новых мигрантов стала чем-то вроде передней, через которую можно попасть на Запад.

Тем не менее миграция и мобильность — это не только знак беспорядка или отказа. И то, и другое подразумевает, что люди

заново открывают право пересекать границы своих стран, уезжать на время или навсегда, а также возвращаться, принимать гостей из-за рубежа и т.д. Подобные процессы предполагают, что в настоящее время граждане постсоветских стран имеют возможность максимально использовать то, что им предлагает внешний мир. Здесь мобильность фактически соответствует определенному возвращению к нормальному состоянию. Тот факт, что перемещения населения между Россией и внешним миром, искусственно прерванные на десятилетия, возобновились, как только пал железный занавес, показывает готовность бывшего советского пространства стать открытым для остального мира.

Для многих, в том числе «челночников» и рабочих-мигрантов, эта мобильность является возможностью и необходимостью. Имея временный или периодический характер, такая миграция играет роль «предохранительного клапана» ([Hirschman 1995b: 32]; об этом типе миграции см. также: [Constantin 1994]), позволяя людям адаптироваться к ухудшению условий жизни и помогать своим семьям, которые за счет этого могут оставаться на родине. Наконец, как уже отмечалось, некоторые страны в постсоветском пространстве и Россия в особенности не являются просто территориями, от которых отказываются некоторые люди, но представляют собой территории, где могут найти убежище другие люди, те, кто воспринимает их как привлекательное место, куда они хотели бы попасть.

Постсоветское миграционное поле в 2000-е гг.: изменяющийся феномен

В 2000-е гг. миграция в постсоветском пространстве испытала сильные изменения. Ее развитие отражает продолжающийся экономический рост России (7 % ежегодно в среднем за период 1999–2008 гг.) и растущую уверенность на международной сцене. Однако она испытывает и сложности, связанные, с одной стороны, с политическим режимом Владимира Путина, а с другой — с демографическими проблемами.

Замедление эмиграции в развитые страны является одной из основных особенностей этого периода. Количество людей, которые уезжают из России на постоянное место жительства (около 100 тыс. чел. в год в начале 1990-х гг. и 63,4 тыс. чел. в 2000 г.), быстро сокращается. Оно сократилось в шесть раз в промежутке между началом 1990-х гг. и 2008 г. и упало до 13,4 тыс. чел. в 2008 г. Количество уехавших из России в другие страны СНГ также неуклонно уменьшается (от 130 тыс. в 1999 г. до 26,1 тыс. в 2008 г.).

Можно допустить, что это изменение связано и с политикой принимающих стран. Это особенно справедливо в отношении Германии, которая в 2005 г. ужесточила въездные требования для тех, кто пытается получить статус *Aussiedler*: 95 тыс. бывших советских граждан немецкого происхождения поселились в Германии в 2000 г. и только 5,5 тыс. — в 2007 г. Между тем сокращение эмиграции указывает и на веру потенциальных эмигрантов в реальность восстановления экономики и рост уровня жизни в России. Эмиграция больше не является преимущественно этническим переселением, как это было в годы после падения железного занавеса: она отчасти отражает восстановление благосостояния страны. Лондон, Женева, Лазурный берег, Куршевель, Арабские Эмираты — вот места, которые теперь предпочитают выезжающие, особенно те, кто относятся к наиболее богатому сегменту российского населения.

Иммиграция в Россию, главным образом из новых независимых государств, переживает несомненный подъем в 2000-е гг. Теперь это экономический феномен, который выдвигает на первый план восстановление экономики страны. Иммиграция из стран СНГ в Россию с целью постоянного проживания постепенно сокращалась между 1994 и 2004 гг. В 2005 г. она увеличилась впервые с 1994 г. В 2007 г. поток приехавших был в 2,5 раза больше, чем в 2004 г. (общее число увеличилось со 110,4 тыс. чел. до 274 тыс. чел.). Этот рост остановился в 2008 г., когда количество приехавших достигло 270 тыс.

Недавний рост иммиграции также характеризуется изменением этнического состава мигрантов, среди которых перестали доминировать этнические русские, возвращающиеся в Россию. Между 2001 и 2004 гг. русские все еще составляли 58 % чистого потока приезжающих, однако это число упало до 32 % в 2007 г. В 2006 г. из Таджикистана в Россию приехало больше таджиков, чем русских. В следующем году количество таджикских иммигрантов было в четыре раза больше, чем русских.

Таким образом, феномен иммиграции в Россию теперь определяется прежде всего экономической логикой. Связанная с крайней бедностью некоторых стран СНГ, иммиграция облегчается тем фактом, что русский продолжает оставаться общим языком коммуникации, несмотря на то что его значение очевидно уменьшилось после крушения СССР. Значимо также и то, что бывшее советское население обладает общим набором поведенческих образцов и продолжает стратегически использовать личные и другие сети, формирование которых относится к советской эпохе.

Ключевая характеристика 2000-х гг. — это расширение трудовой миграции, которая по большей части была и остается временной или сезонной. России по-прежнему принадлежит здесь главное место. Это отчасти связано с постоянными демографическими проблемами в России, но отражает и восстановление российской экономики, что в значительной степени определяется ростом цен на нефть. Рынок труда в России привлекает сотни тысяч иностранных рабочих, две трети которых прибывают из стран СНГ (в 2007 г., в порядке уменьшения количества мигрантов: из Узбекистана, Таджикистана, Украины, Кыргызстана, Молдовы, Армении, Азербайджана и т.д.).

Некоторые из тех, кто приезжает из этих стран, работают легально: количество разрешений на работу, выданных российскими властями, заметно выросло в 2000-х гг. (от 106 тыс. в 2000 г. до 537 тыс. в 2006 г., а затем до 1,15 млн в 2007 г.). В то же время многие рабочие-мигранты не регистрируются: по нынешним оценкам, их количество колеблется между 4 и 6 млн чел., причем больше всего приезжает из Средней Азии¹.

Эта миграция стала главным социально-экономическим явлением в некоторых государствах СНГ. Существуют данные, что в Молдове за границей работает один житель из трех, причем больше двух третей всех работающих за границей находятся в России. В Кыргызстане эта цифра — один из пяти, и она еще выше в некоторых южных регионах страны. В Грузии и Армении одна семья из четырех или пяти имеет одного члена семьи в России [Коровкин, Долгова 2004–2005; Central Asia 2009]. Такие перемещения позволяют осуществлять переводы денежных средств, которые имеют большое значение, о чем речь пойдет ниже. Кроме того, среди мигрантов преобладают мужчины, часто молодые — фактор, радикально меняющий характер семьи и социальное равновесие в этих странах.

Феномен миграции также является зеркалом политических изменений внутри этих стран. Это вполне очевидно в случае России: на смену демократизации, вышедшей на первый план в начале 1990-х гг., в течение 2000-х гг. пришла другая цель — «монополизация власти» [Favarel, Rousselet 2004: 4]. Насилие, имевшее место главным образом (но не исключительно) в Чечне, остается способом улаживания конфликтов, а рост национализма сопровождается ростом ксенофобии. Возникновение национализма и ксенофобии относится к периоду, когда Владимир Путин еще не пришел к власти, но за время его президентства они все более громко заявляли о себе. Национализм

¹ Данные Федеральной службы миграции Российской Федерации; см. также: [Тюрюканова 2008; Зайончковская 2009а].

и ксенофобия ведут к постоянным вспышкам насилия и целому ряду проявлений дискриминации, о чем я еще буду говорить ([Мукомель, Паин 2006; Politkovskaya 2005: 67]; см. также “Demoscope-weekly” № 203–204, 23 мая — 5 июня 2005 г., <<http://demoscope.ru/weekly/2005/0203/index.php>>).

Другим показателем серьезности этих противоречий являются попытки получить политическое убежище за пределами России, которые практически прекратились с падением советского режима, однако затем, начиная с 1999–2000-х гг., их число вновь существенно возросло. Россия сегодня одна из главных стран, откуда приезжают люди, которые просят политического убежища в развитых странах. В 2005 и 2006 гг. она была второй в списке стран, выходцы из которых обращались в Европейский союз с просьбой о предоставлении политического убежища: Польша получила 5015 таких запросов в 2005 г., более чем 8000 в 2007; Франция получила 2560 обращений в 2006 г. и 3510 в 2007¹. О нетерпимости и враждебности к другому свидетельствует крайне сдержанное отношение и даже враждебность к нерусской иммиграции. Россия не хочет признавать, что, учитывая серьезность сложившейся демографической ситуации, необходимая ей миграция может прийти из Китая.

Миграция как инструмент переопределения отношений с внешним миром

Миграционный феномен способствует переопределению отношений с внешним миром. И вновь в качестве примера я возьму случай России, хотя анализ может быть распространен и на некоторые другие государства СНГ.

Может ли русское население, которое живет за границей, быть источником влияния, которым располагает страна происхождения? В своем докладе Энди Байфорд проанализировал появившуюся относительно недавно стратегию российского правительства, которая предусматривает создание глобальной сети поддерживаемых государством связей диаспоры и управляемых государством механизмов ее мобилизации.

Тем не менее влияние россиян, живущих за границей, не возникает автоматически. Например, Россия не смогла повлиять на основные направления внешней политики Латвии или Эстонии, несмотря на сильные русские меньшинства, существую-

¹ United Nations, HCR “Niveaux et tendances de l’asile dans les pays industrialisés, second semester 2006”, Geneva, sept. 2006, и “Global trends 2008”, <www.unhcr.org/statistics>; OFPRA “Rapport d’activité 2008”, Paris, 2009 <www.ofpra.fr>; “Le Courrier des pays de l’est”. 2007. Mars-avril. P. 20.

щие в обеих странах. Другим примером является тот факт, что недавнее появление многих богатых российских бизнесменов в Лондоне не смогло предотвратить дипломатическую напряженность между Россией и Великобританией. Русские, которые эмигрировали в течение советского периода или после него, почти не образуют заинтересованные группы, которые могли бы поддерживать или критиковать внутреннюю или внешнюю политику России или влияли бы на политику принимающей страны по отношению к России. Если миграция влияет на международные отношения России, то прежде всего потому, что это создает определенную динамику преобразований. Она способствует изменению отношений между Россией и ее бывшей империей, укоренению России в Европе и определению ее позиций на Ближнем Востоке и в Азии.

Миграция в постсоветском пространстве также способствует переопределению отношений между Россией и ее бывшей империей. Несколько участников конференции — Оливье Феррандо, Себастьян Перуз, Марлен Ларюэль и Жульен Торез — проанализировали воздействие миграции на отношения между Россией и Средней Азией. Миграция играла существенную роль в создании российско-советской империи, а также сопровождала ее падение и сама была частью этих процессов, а в некоторых регионах даже их предвосхитила.

В Средней Азии возвращение этнических русских в Россию началось во второй половине 1970-х гг.: оно знаменовало начало процесса деколонизации, который только усилился после падения СССР и обретения независимости бывшими республиками. Русское население не играло роли активного политического механизма влияния России в регионе, поэтому после 1991 г. отъезд этого населения не повлек за собой сокращения средств влияния России.

Тем не менее эмиграция русских из Средней Азии имела очень большое политическое значение. Она способствовала лингвистической и более широкой культурной дерусификации региона, выдвигаемой на первый план той политикой национальной идентичности, которую проводили недавно получившие независимость постсоветские государства. В этих государствах утверждение национальной идентичности действительно достигалось повышенным вниманием к вопросам национальной культуры, особенно к языку титульной нации, который стал государственным языком, символом независимости и разрыва с прошлым. Ревизионистская историография также сыграла важную роль. Так, возвращение русских в Россию способствовало тому, что «ближнее зарубежье» теперь стало просто «зарубежьем».

Утверждая это, я имею в виду, что последствия миграции не сводились к ослаблению связей между Россией и бывшими частями ее империи. Я говорила ранее о значительных потоках рабочих мигрантов в Россию; эти потоки создают противоположный эффект. Они приводят к возникновению явной зависимости от России. Переводы денежных средств, которые осуществляют мигранты, играют важную экономическую роль, особенно в Молдове, Таджикистане, Армении и Кыргызстане¹. Считается, что они достигают примерно половины ВВП Таджикистана (эта зависимость тем более важна, если учитывать, что почти все таджикские мигранты работают в России); они обеспечивают средства к существованию одной трети населения Кыргызстана. Эти потоки мигрантов дают России механизмы влияния на эти страны, которые она порой, не колеблясь, использует, особенно в Грузии в 2000 и в 2006 гг.

Но зависимость — это улица с двусторонним движением. Чтобы восполнить недостаток рабочей силы, вызванный демографическим спадом, Россия нуждается в иностранных рабочих. Демографические проблемы России приводят к дефициту рабочей силы, который уже достигает, по мнению Анатолия Вишневого, сотен тысяч, если не миллионов человек, и этот дефицит, по мнению многих экспертов, будет только увеличиваться [Vishnevsky 2009]. Рабочие-мигранты живут и работают в трудных условиях и сталкиваются со многими проблемами. Эти рабочие предоставляют дешевый труд, особенно в том случае, если он имеет нелегальный характер; они нетребовательны и готовы взяться за малоквалифицированную и низкооплачиваемую работу, от которой отказываются русские. Они основной фактор экономического роста России. В ряде секторов, например в строительстве, где они составляют примерно 40 % рабочей силы, и в некоторых других, таких как торговля и услуги, иностранные рабочие играют существенную роль. По некоторым оценкам, они производят 8–10 % ВВП России².

Трудовая миграция внутри постсоветского пространства в самом деле является источником взаимозависимости, возникающей между Россией и ее партнерами по СНГ. Таким образом, внутри постсоветского пространства миграционное поле оказывается реструктурировано в соответствии с двумя основными динамическими процессами: с одной стороны, деколонизация, представляющая собой результат возвращения этнических русских и последовательной дерусификации; с дру-

¹ [Денисенко, Хараева 2008; Mansoor, Quillin 2006: 57–58]; доклад Валериу Моснеага на семинаре Центра международных исследований (CERI) в Париже 18 декабря 2006 г.: доступно по адресу <www.ceri-sciences-po.org>, проект “Migrations et relations internationales”.

² В. Тишков цит. по: [Тюрюканова 2008].

гой — возвращение российского влияния экономическими средствами. Каков конечный результат этих процессов? Ведет ли миграция к возникновению новых связей, объединяющих постсоветское пространство? Способствует ли она возникновению новых форм российского доминирования в регионе или ведет к дезинтеграции этого некогда единого пространства?

Конечный результат: новое доминирование России или дезинтеграция постсоветского пространства?

Как уже отмечалось, Россия — бесспорный тяжеловес в этом миграционном поле. Она играет эту роль в течение длительного времени: империя создавалась посредством широкомасштабной русской миграции. Сегодня влияние России в постсоветском пространстве поддерживается за счет занятости миллионов людей из «ближнего зарубежья». Однако силы, задействованные в игре, работают в разных направлениях. Некоторые из них способствуют диверсификации миграционных потоков и моделей поведения. Согласно докладу Ирины Молодиковой, в последние годы система миграции в СНГ постепенно ослабевает и подвергается значительным изменениям.

Об этом свидетельствует, например, политика, регулирующая въезд в государства СНГ и выезд из них. В настоящий момент все постсоветское пространство уже не является единым организмом, как это было раньше. СНГ не стало инструментом возобновления региональной интеграции ни за счет миграции, ни каким-либо иным образом. В 1992 г. было принято бишкекское соглашение, где оговаривалась свобода перемещения. Однако в 1999 г. Туркмения ввела визы для некоторых своих партнеров, а в 2000 г. Россия вышла из бишкекского соглашения, а затем ввела визы для Грузии. Кроме того, начиная с 2005 г. внутренние паспорта, которые позволяли гражданам стран СНГ пересекать границы других стран-участников сотрудничества, перестали быть действительными в это отношении. Эти решения в высшей степени символичны: они демонстрируют ослабление региональных связей.

Иммиграционная политика самой России не благоприятствует возрождению связей постсоветского пространства. Россия могла бы использовать миграцию для того, чтобы создать новый тип отношений со своими партнерами — отношения постимперские. Но она этого не делает. Россия дает возможность многим гражданам государств СНГ удовлетворять свои потребности, но она не ведет себя как принимающая страна, готовая открыть себя иммиграции. Внутри российского общества отношение к кавказцам и выходцам из Средней Азии чрезвычайно отрицательное. Ксенофобия (которая соединяется с ра-

сизмом и этнофобией) особенно выросла за последние годы, регулярно приводя к актам насилия (например, антикавказские волнения в Кондопоге (2006), ежегодные убийства десятков, если не сотен, рабочих с Кавказа и из Средней Азии). Более скрытым образом это проявляется во множестве дискриминационных моментов, касающихся доступа к работе (прием на работу, зарплата и условия труда) и проживания. Недавний отчет организации “Human Rights Watch” по этому вопросу является весьма показательным [Human Rights Watch 2009]. Доклад Амандин Регаме демонстрирует, как российская политика способствует стигматизации мигрантов.

Новые полюса притяжения появились в 1990-е гг. как внутри постсоветского пространства, так и за его пределами. Этот феномен свидетельствует о тенденции к диверсификации и открытию миграционного поля. В течение 1990-х гг. и даже позже многие беженцы, уезжавшие из-за вышеупомянутых конфликтов, искали убежище не только в России, но и в Туркмении, Кыргызстане или Украине.

Еще более значимо, что Россия больше не является единственным государством, привлекающим иностранную рабочую силу. В последние несколько лет, как подчеркивалось в докладе Мадлен Ларюэль, Казахстан стал вполне конкурентоспособным в том, что касается привлекательности для иммигрантов. Между 1999 и 2004 гг. он принял 335 тыс. мигрантов (а возможно, и больше), 95 % которых приехали из СНГ и более трети из Узбекистана. В 2004 г., впервые с 1968 г., чистый поток иммиграции стал положительным [Алексеев 2006; Schuler 2007: 79]. Казахстан также привлекает все большее количество сезонных и временных рабочих из Средней Азии: их официальное число составляет приблизительно 500 тыс. чел., а неофициальное — гораздо больше.

В меньшей степени та же тенденция присутствует в Украине: чистый поток иммиграции, который был отрицательным после 1994 г., вновь стал положительным в 2005 г. Географическое положение Украины таково, что она, пусть и временно, выполняет функции принимающей страны для многих мигрантов, которые оказываются здесь «транзитом» и конечной целью которых является Европа или Северная Америка [Шербакова 2008]. Многие страны-члены ЕС также привлекают мигрантов из стран СНГ. Начиная с 1990-х гг. сотни тысяч украинцев повернулись лицом к Западу: они, как об этом рассказал в своем докладе Ник Харни, работают в Центральной Европе, особенно в Чешской Республике, Польше, Венгрии, а также в западных странах ЕС, таких как Италия и Португалия. Молдаване тоже, хотя и в меньшей степени, работают в странах ЕС.

Поскольку заработная плата в Европе выше, денежные переводы этих молдавских рабочих в два раза выше, чем у тех, кто работает в России. Русские также работают в некоторых странах ЕС и Китае. Некоторые узбеки теперь отправляются на заработки в Южную Корею и т.д.

Это означает, что сегодня Россия уже не является, как раньше, единственным полюсом притяжения внутри зоны, которая больше не представляет собой, как раньше, единый организм. Начиная с 1991 г. реструктурирование миграционного поля приносило пользу в первую очередь России. Взаимозависимость, которая возникла благодаря миграции внутри СНГ, является прочным основанием для отношений России с другими государствами-членами СНГ. Но как это будет выглядеть завтра?

Те явления и политика, о которых я только что говорила, указывают на то, что будущее еще не определено. Финансовый кризис 2008 г. подтверждает это. Основной его удар пришелся на Россию, Украину и некоторые другие государства региона, и он вновь угрожает спутать все карты. В самом деле, кризис — это главный источник дестабилизации для некоторых стран СНГ. Деградация российской экономики привела к избытку иностранной рабочей силы. Если ситуация будет ухудшаться, то многие рабочие должны будут возвратиться на родину, денежные переводы в эти государства резко уменьшатся, безработица вырастет, а рецессия усугубится. Этот сценарий неизбежно повлечет за собою масштабные социально-политические последствия, многие из которых могут быть весьма серьезны, особенно в Средней Азии. Не менее серьезными будут последствия и в России, как по экономическим, так и по демографическим причинам.

Миграция и мобильность также влияют на отношения между Европой и бывшими советскими государствами. Они являются одновременно символом и основным инструментом воссоединения старого континента, позволяющим формировать чувство принадлежности к общему пространству, а также укоренить государства СНГ в Европе. Миграция и мобильность поддерживают логику *восстановления дружеских отношений*, которая действует на уровне государств и обществ.

Примером этого может стать русско-германский случай. Репатриация этнических немцев, которую Бонн, а затем Берлин рассматривали как средство исправления некоторых ошибок прошлого, была частью механизма, лежащего в основе отношений между этими двумя странами в течение многих десятилетий. В годы, последовавшие за падением СССР, эти люди были дополнительным стимулом, побуждавшим Германию

поддерживать Россию на пути реформ, чтобы избежать хаоса или потрясений, которые могли бы вызвать более масштабную миграцию в Германию. Тот факт, что Германия приняла еврейскую иммиграцию (больше 200 тыс. чел., приехавших главным образом из России и Украины с 1990 г.), позволившую ей восстановить свою еврейскую общину, также способствует особым отношениям между этими двумя государствами.

В этом случае, как и во многих других, миграция создает связи между Россией и принимающей страной, усиливающиеся за счет развития средств телекоммуникации. Многие из русских, которые поселились за рубежом, не пытаются вписаться в пространство, определенное границами принимающей страны. Территория уже не имеет того ограничивающего значения, которое она имела ранее: благодаря контактам с родной страной, которые поддерживаются или создаются мигрантами, они устанавливают связи между теми двумя мирами, к которым принадлежат. Они, таким образом, способствуют циркуляции информации, идей и типов поведения между двумя этими странами. Это движение, идущее в обоих направлениях, позволяет обществам контактировать и поддерживать диалог. Со временем оно может стать вектором европеизации, понимаемой как трансляция европейских норм и ценностей в Россию и другие страны СНГ.

Другие примеры миграции позволяют нам понять этот феномен укоренения в Европе, которому миграция способствует. Таков случай польской миграции в Великобританию. Масштабная миграция поляков, которая произошла после расширения ЕС, способствует их интеграции в него. Она создала большое количество связей между Польшей и Великобританией, и это способствовало изменению восприятия ЕС поляками и, наоборот, восприятия поляков европейцами. Исследования показали, что миграция внесла вклад в развитие польского менталитета в сторону открытости и терпимости.

Миграционные потоки являются реструктурирующими факторами и в отношениях между Россией и Китаем, Россией и Ближним Востоком. В случае с Китаем возникшие динамические процессы имеют сложный характер: миграция одновременно поддерживает и подрывает отношения между Россией и Китаем. Связи, создаваемые или пересоздаваемые населением в пограничных районах, поощрялись на региональном уровне с учетом взаимодополняющего характера экономик двух стран. Таким образом, возникала соседская солидарность, способствующая появлению территории кооперации, которая, отвечая интересам населения двух стран, могла помочь «стратегическому» партнерству этих двух государств. Взаимодопол-

няющие компоненты могли также иметь демографический характер: прием китайских иммигрантов на временное или постоянное пребывание мог способствовать преодолению некоторых демографических проблем, с которыми сталкивается Россия.

Но для России эта миграция является причиной беспокойства, поскольку ее население уменьшается, что особенно остро ощущается в дальневосточных регионах страны, где количество жителей уменьшилось с 7,9 до 6,7 млн чел. в период между переписями 1989 и 2002 гг., а также по причине увеличивающегося демографического разрыва как на национальном, так и на региональном уровне. Увеличивающийся разрыв между западными и восточными частями России подрывает целостность ее территории и ослабляет способность Дальнего Востока функционировать в качестве трамплина для российской политики в Азии.

Многие опасаются, что Китай, максимально использующий эти слабые места, проводит политику «колонизации» приграничных регионов, которые стали принадлежать России только с середины XIX в. Если судить об этом на основании результатов полевых исследований, эти страхи представляются преувеличенными и обычно используются в политических целях (мотивы, по которым осуществляется китайская миграция в Россию, являются прежде всего экономическими, и лишь небольшая часть китайцев планирует поселиться здесь навсегда)¹. Тем не менее они оказывают влияние на российско-китайские отношения.

В течение долгого времени СССР сохранял свое присутствие на Ближнем Востоке, однако после 1991 г. Москва в значительной степени потеряла интерес к этому региону. Если в последние годы Россия смогла заявить о себе там, то главным образом потому, что она воспользовалась новой платформой, оказавшейся в ее распоряжении после падения железного занавеса — миграцией в Израиль миллиона людей, которых Израиль называет «русскими». Многие из них продолжают поддерживать контакты со своей бывшей родиной и таким образом создают мосты между двумя странами. Их присутствие в Израиле также влияет на политику России в отношении Ближнего Востока, что неоднократно подчеркивал Владимир Путин: «Нам не безразлична их судьба. Мы хотим, чтобы они могли жить в мире». Возобновив дипломатические отношения с Израилем в 1991 г., Москва может теперь выступать в качестве посредника между палестинцами и израильтянами.

¹ [Гуельбрас 2001; Ларин 2008]; см. также: [Tinguy 2004: ch. 11].

Наконец, если миграция и мобильность способствуют переопределению отношений России с внешним миром, то это происходит потому, что они создают русское и русскоговорящее пространство. Даже если русскоговорящие не образуют сильные лоббирующие группы, они способствуют формированию представлений о России и иногда выражают позиции российских властей. Прямо или косвенно, они влияют на восприятие России внешним миром и тем самым на то место, которое она занимает на международной арене. Русскоговорящие — это цемент того пространства, которое создается за пределами России; сегодня это культурный феномен, но завтра он может стать феноменом политическим и экономическим.

В заключение я хотела бы подчеркнуть два момента. Реакция российских властей на такие сложные и во многих отношениях новые явления имеет непоследовательный и неоднозначный характер и меняется с течением времени¹. Однако конкретный механизм почти не обнаруживает ярко выраженной воли формулировать как миграционную политику, так и политику интеграции. Дискурс, определяющийся необходимостью реагировать на демографические проблемы, а также потребностью в иностранной рабочей силе, в действительности не привел к решительным действиям в этом регионе. Недостаток рабочей силы рассматривается некоторыми как одна из главных проблем, угрожающая экономической модернизации и могуществу Российской Федерации, но желание отдать приоритет этническим русским, с одной стороны, и заботиться о безопасности, с другой, все еще сильно сказывается. Кроме того, российская политика также усиливает дисбаланс, существующий в регионах: города и регионы, где не хватает рабочей силы, привлекают людей из других регионов, тем самым лишая их активного населения. Большинство других стран СНГ также испытывают серьезные трудности в выстраивании миграционной политики.

Другая важная проблема, связанная с первой, состоит в том, что российские лидеры не стремятся к созданию мультикультурной нации и правового государства, которое гарантировало бы индивидуальные права граждан. Предоставляя привилегии этническим русским, усиливая уже присутствующие в России тревогу и даже страх по отношению к Другому — определенно как «нерусский» — они разжигают нетерпимость и формируют этническое представление о нации. Вместо того чтобы бороться с ксенофобией, расизмом и этнофобией, вместо того чтобы демонстрировать вклад, который иностранцы и российские граждане нерусского происхождения вносят в жизнь стра-

¹ См. также: [Зайончковская 2009b].

ны, вместо того чтобы развеять многие предрассудки, распространенные в российском обществе (касающиеся преступности мигрантов, нарушения ими санитарных норм, китайской иммиграции и т.д.), что можно было бы легко сделать посредством аудиовизуальных средств массовой информации, которые почти полностью контролируются российскими властями, последние часто поддерживают нетерпимость и предрассудки. Именно это они и делают, когда выдвигают на первый план борьбу против нелегальной иммиграции, когда оставляют проявления ксенофобии безнаказанными или когда отказываются бросить вызов тем, кто пропагандирует идею «Россия для русских». Это вызывает беспокойство за будущее страны.

Библиография

- Алексеенко А.* Население Казахстана между прошлым и будущим // Демоскоп Weekly. 2006. № 245–246. 1–21 мая. <<http://demoscope.ru/weekly/2006/0245/index.php>>.
- Госкомстат России. Численность и миграция населения Российской Федерации в ... году. М., ежегодно.
- Гуельбрас В.* Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001.
- Денисенко М., Хараева О.* Переводы гастарбайтеров на перекрестке между миграцией и экономикой // Демоскоп Weekly. 2008. № 339–340. 30 июня — 17 августа. <<http://demoscope.ru/weekly/2008/0339/index.php>>.
- Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е.* Миграция // Вишневский А. Население России 2007. М.: Государственный университет Высшая школа экономики, 2009.
- Зайончковская Ж.* Десять лет СНГ — десять лет миграции между странами-участницами // Демоскоп Weekly. 2001. № 45–46. 3–16 дек. <<http://demoscope.ru/weekly/045/index.php>>.
- Зайончковская Ж.* Нелегальная занятость уменьшилась, но не исчезла // Демоскоп Weekly. 2009а. № 367–368. 2–16 марта. <<http://demoscope.ru/weekly/2009/0367/index.php>>.
- Зайончковская Ж.* Новая миграционная политика: первые итоги // Демоскоп Weekly. 2009б. № 367–368. 2–16 марта. <<http://demoscope.ru/weekly/2009/0367/index.php>>.
- Коровкин А.Г., Долгова И.Н.* Рынки труда стран СНГ // Демоскоп Weekly. 2004. № 183–184. 20 дек. — 9 янв. <<http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/index.php>>.
- Ларин А.* Китайские мигранты глазами россиян // Демоскоп Weekly. 2008. № 333–334. 1 мая — 1 июня. <<http://demoscope.ru/weekly/2008/0333/index.php>>.
- Мукомель В., Паин Э.* (изд.) Нужны ли эмигранты русскому обществу. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.
- Тюрюканова Е.* Трудовая миграция в Россию // Демоскоп Weekly. 2008. № 315–316. 1–20 янв. <<http://demoscope.ru/weekly/2008/0315/index.php>>.

- Щербакoвa E.* Население СНГ // Демоскоп Weekly. 2008. № 353–354. 17–30 нояб. <<http://demoscope.ru/weekly/2008/0353/index.php>>.
- Carrère d'Encausse H.* L'empire éclaté. P.: Flammarion, 1978.
- Central Asia & Caspian Intelligence. 2009. January 29.
- Constantin F.* La transnationalité: de l'individu à l'Etat. A propos des modes populaires d'action internationale en Afrique orientale // Girard M. (ed.) Les individus dans la politique internationale. P.: Economica, 1994. P. 164–169.
- Favarel G., Rousselet K.* La société russe en quête d'ordre — Avec Vladimir Poutine? P.: Autrement, 2004.
- Hirschman A.* Défection et prise de parole. P.: Fayard, 1995a (1970).
- Hirschman A.* Un certain penchant à l'autosubversion. P.: Fayard, 1995b.
- Human Rights Watch: Buchanan J. 'Are You Happy to Cheat Us?' Exploitation of Migrant Construction Workers in Russia. N.Y., February 2009.
- Jaroszewicz M., Szerepka L.* Migration Challenges in the European Union's Eastern Neighbourhood. Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2007.
- Kim G.* Koreans in Kazakhstan, Uzbekistan and Russia <http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a.shtml>.
- Malynovska O.* International Migration in Contemporary Ukraine: Trends and Policy. Genève: Commission mondiale sur les migrations internationales, Global Migration Perspectives. Oct. 2004. No 14.
- Mansoor A., Quillin B.* (eds.) Migration and remittances — Eastern Europe and the former Soviet Union. Washington: The World Bank, 2006.
- Messina C.* My Address is the Soviet Union: Russian Migration, Nationalization and Identity in the Russian, Soviet and Post-Soviet Space. P.: Institut d'Etudes Politiques, 2005. Ph.D Thesis.
- Politkovskaya A.* La Russie selon Poutine. P.: Buchet/Chastel, 2005.
- Rollan F.* Les migrations forcées en Asie centrale postsoviétique 1991–2005 // Espace Populations Sociétés. 2007. No 1. P. 33–45.
- Schuler M.* Migration Patterns of Population in Kyrgyzstan // Espace Populations Sociétés. 2007. No. 1. P. 73–89.
- Thorez J.* Itinéraires du déracinement. L'essor des migrations de travail entre l'Asie centrale et la Russie // Espace Populations Sociétés. 2007. No. 1. P. 59–71.
- de Tinguy A.* La grande migration — La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer. P.: Plon, 2004.
- de Tinguy A.* Un espace postsoviétique en pleine mutation // C. Jaffrelot, C. Lequesne (eds.) L'Enjeu mondial — Les migrations. P.: Les Presses de Sciences Po, 2009.
- de Tinguy A.* La Russie à la croisée des flux migratoires // G. Favarel-Garrigues, K. Rousselet (eds.) La Russie Contemporaine. P.: Fayard, 2010.
- Vishnevsky A.* The Challenges of Russia's Demographic Crisis // Paris. IFRI. Russie. Nei.Visions. 2009. June. No. 41. <<http://www.ifri.org>>.